

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

МЕЧТЫ
О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

ЭКСМО

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Мечты о лучшей жизни

«ЭКСМО»

2015

Островская Е. Н.

Мечты о лучшей жизни / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2015 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Муж бросил Лену неожиданно. И не просто бросил, а ушел к ее лучшей подруге! Но этого мало: Рома с Кристиной отобрали у нее квартиру, предложив взамен развалюху за городом!.. Лена была настолько раздавлена предательством самых близких людей, что согласилась на этот явно неравноценный обмен. К тому же место, где находился ее новый дом, оказалось замечательным: рядом речка и лес. В лесу Лена и познакомилась со своим новым соседом Николаем, сразу проникнувшись к нему симпатией. Но что скрывает этот странный человек, предпочитающий общаться с лесными зверями, а не с людьми?.. От мыслей на эту тему девушку отвлек... визит полицейских! Как выяснилось, убили одного из самых богатых и влиятельных жителей поселка, бизнесмена Леонида Чагина. А случилось это сразу после того, как он покинул Ленин дом в ярости от того, что она не уступила его домогательствам...

© Островская Е. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Татьяна Устинова	6
Часть первая	8
Часть вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Островская

Мечты о лучшей жизни

© Островская Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Татьяна Устинова

Безусловно увлекательное чтение

Новая книга Островской «Мечты о лучшей жизни» – изумительное и безусловно увлекательное чтение. Чистый адреналин, будто бы спускаешься с американской горки. Сплошь головокружительные – до звона в ушах – падения в пустоту неизвестности и молниеносные взлеты на невиданные доселе вершины. Нет времени, чтобы оглядеться и перевести дыхание!.. И совершенно точно не удастся разобрать, что произойдет с уже такими близкими и полюбившимися героями в следующую секунду, за следующим поворотом сюжета.

В романе «Мечты о лучшей жизни» скрыто множество реминисценций – безошибочно угадывается «Божественная комедия» Данте Алигьери, рассказы Сеттона-Томпсона и даже – вы не поверите! – старые голливудские боевики. С такой смесью дело иметь непросто: она крайне взрывоопасна при неправильном обращении. Малейший просчет – и автор рискует быть обвиненным самое меньшее в безвкусице. Да, написать подобный детектив может только по-настоящему талантливый, смелый и уверенный в себе человек, точно знающий, что он делает.

И у Екатерины Островской все получилось! Ее новый детектив – отнюдь не пустое попурри. «Мечты о лучшей жизни» – весьма эклектичная книга, однако она абсолютно лишена всякой пошлости! Напротив, это фантастичная, детективная и немного наивная история, призванная интриговать, водить за нос, увлекать нас, читателей, в то же время способна очень многое рассказать о самом авторе. А это безусловный признак честной литературы. Островская вновь проявляет недюжинный талант алхимика, виртуозно сплавливая между собой, казалось бы, несовместимые компоненты – реализм и фантастику, саспенс и комедию, молитву и фарс, – и получает в итоге, может быть, и не философский камень, но уж точно захватывающий детектив.

В «Моральном кодексе строителей коммунизма» – нас когда-то всерьез заставляли его учить – было написано, что человек человеку «друг, товарищ и брат», а вовсе не волк, как выяснилось несколько десятилетий спустя, когда грянули девяностые. Можно смело утверждать, что Екатерина Островская сделала для воплощения этого принципа в жизнь гораздо больше, чем подавляющее большинство участников любого съезда КПСС!.. И дело, конечно же, не в насаждении спорной коммунистической морали или в следовании заветам отцов марксистско-ленинских теорий. Герои нового детектива Островской объединяются, помогают друг другу, приходят на выручку в самую трудную минуту и сообща ниспровергают вселенское зло!

Островская вообще славна умением работать с персонажами: она не боится снабжать их совершенно фантастическими биографиями, награждать редкими талантами и помещать в чрезвычайные обстоятельства. Но при этом герои Островской всегда остаются людьми. В романе «Мечты о лучшей жизни» они мыслят, сомневаются, переживают, влюбляются очень по-человечески. Именно поэтому мы – благодарные читатели – с таким интересом следим, сочувствуем и шепотом причитаем: «Не ходи туда, не ходи туда, не ходи!..»

Лена лишилась любимого мужа и хорошей работы, но сдаваться она не намерена. Жизнь продолжается!.. Отправившись в деревню, чтобы перевести дух, она загадочным образом попадает в сферу интересов очень влиятельного человека – Леонида Чагина. Кто он? Что ему нужно? Можно ли ему доверять? Прямо у Лены на глазах начинается какая-то игра с непомерно высокими ставками, победитель которой получит все.

Когда происходит убийство, становится очевидно – хладнокровный, расчетливый киллер кто-то из ее соседей. Но кто? Найдется ли следопыт достаточно отважный, чтобы пройти по

следу черного волка, вступить с ним в схватку и выйти победителем? И кто же такой на самом деле местный анахорет Николай, какие тайны хранит его темное прошлое?

У вас в руках удивительный детектив, дорогие читатели! А я, к сожалению, его уже прочитала. Что ж, теперь снова буду засыпать со Стругацкими и ждать нового приключения от Островской.

Часть первая

Надо же, еще вчера проливались дожди, обычные для начала октября, а сегодня с утра морозец. Лужи покрылись тонкой белой коркой, в которой отражалось небо и которая с хрустом ломалась под ногами прохожих, а под колесами машин с треском. Днем все это должно было растаять и превратиться в мутную осеннюю распутицу, в которой не будет отражаться ничего, кроме плохого настроения. До зимы еще не скоро, на деревьях еще дрожали редкие пожелтевшие листья, отчаянные грибники до сих пор топтали пригородные леса в поисках пней с опятами, но вот же, северный ветер дохнул инеем, и на утренних стеклах остались отпечатки пальцев заглянувшего в окна первого мороза.

Однако днем теплее не стало, даже наоборот – ртутный столбик термометра опустился к вечеру до отметки –5.

Николай Сергеевич разогревал на завтрак остатки вчерашнего ужина и смотрел в окно, где белый бультерьер, стоя на замерзших комьях черного газона, крутил головой в поисках хотя бы одной уцелевшей дворовой кошки. Рядом с псом стоял хозяин, квадратный коротко стриженный мужчина – сосед сверху. Полгода назад он купил две квартиры на втором этаже, объединил их, и теперь в трех квартирах в их подъезде проживает не так много народу: Николай Сергеевич и Варвара Петровна – ее дверь напротив, а также тот самый мужчина со своим бультерьером. Кстати, у Варвары Петровны до появления новых соседней обитали кошки, но все три ее любимицы исчезли одна за другой, попав в засаду по пути к родной форточке. Небольшому дому коттеджного типа, который построили после войны пленные немцы, было больше полувека, но за прошедшие годы он не терял своих жильцов так быстро, как за последние шесть месяцев. В здании имелось всего два подъезда, и старухи из второго, увидев во дворе квадратного человека с собакой, обходили парочку стороной, считая, что после кошек наступит и их очередь. Даже тихая и почти интеллигентная Варвара Петровна сказала как-то Николаю Сергеевичу, встретившись с ним на лестничной площадке:

– Этот, – пожилая женщина показала пальцем на потолок с прилепленными обгорелыми спичками и перешла на шепот, – всех нас своему псу скормит, а потом весь дом захапает.

Полный бред, конечно. Сам-то Николай Сергеевич ничего не имел против нового жильца, тот всегда вежливо здоровался с ним. Чуть позже, узнав, что сосед снизу ветеринар, мужчина стал заходить в квартиру звериного доктора уже по-свойски – для консультации. В начале лета годовалый бультерьер подхватил энтерит, и Николай Сергеевич колол ему интерферон и витамины. После болезни пес стал настолько худым, что здоровяк-владелец уговорил ветеринара провести курс лечения нероботилом, что Николай Сергеевич сделал весьма неохотно – анаболик все-таки. Бультерьер быстро набрал мышечную массу, и теперь по двору гуляли два квадратных существа: коротко стриженный сосед и его уменьшенная копия – четвероногий культурист.

Вообще-то Николай Сергеевич тоже переехал в этот дом не так давно, поменяв свою однокомнатную на Петроградке на двухкомнатную здесь. На работу, правда, приходится добираться почти час, но Николай Сергеевич не жалел о совершенном обмене: хоть и окраина города, зато рядом лес, отчего воздух тут такой, которым можно дышать, а не задыхаться. На работу и к клиентам ветеринар ездит, как и прежде, на старенькой «Ниве», купленной в далекие времена, когда Николай Сергеевич был женат. Кстати, о разводе. Вчерашние магазинные котлеты, конечно, не самый лучший ужин, но каждый вечер есть пельмени, пусть и сваренные супругой, тоже рано или поздно надоедает. И никто с той поры не запрещал ему смотреть футбол. Можно даже прилечь на диван, поставить рядом стул, на него бутылку красного сухого вина и долго наслаждаться зрелищем, разбавляя вино газированной водой. Вот как, например, сегодня.

Матч начался, экран отражался в бутылке дешевого молдавского каберне – и тут раздался телефонный звонок.

– Николай Сергеевич, – раздался в трубке голос, – вы не могли бы сейчас подскочить?

– Кто это? – не понял ветеринар.

– Мне ваш номер дал Эдик Хохлов. Сказал, что вы неплохой специалист.

Господи, Эдик! Николай Сергеевич сто лет его не видел, с тех пор как ушел из цирка, где работал в паре с Хохловым. Эдуард любил прикладываться к бутылке, а не всем животным нравится запах перегара. Начальство не раз предупреждало Хохлова, но уволить не решалось – как ветеринар, он был выше всяких похвал. К тому же Эдик был человеком остроумным, и его шутки использовали на манеже многие клоуны.

Молодой специалист Коля Ребров, начав работать в цирке, частенько подменял уставшего к концу дня Хохлова, поэтому приходил домой, принося на подошвах не только запах мокрых опилок, но и... как бы это помягче сказать... остатки того, что порой лежит на полу в слоновьих вольерах. Его жена Мила морщилась, а когда приятельницы спрашивали ее, где трудится муж, отвечала: «В цирке помощником клоуна».

Сейчас Николай Сергеевич удивился, услышав слова собеседника: непонятно, откуда Хохлов узнал номер телефона этой квартиры? Хотя мир тесен, тут же объяснил он самому себе, обращать внимание на подобные мелочи не стоит.

– Я сегодня занят, – попытался отговориться Ребров, глядя на экран, где «Спартак» закатил первый гол. – Вот завтра – пожалуйста.

– Завтра и Эдик сможет, – возразил звонивший. – Но вы же понимаете: большое животное ждать не будет, ему ведь не объяснишь, что доктор перебрал, а у другого футбол.

«Он прав, конечно, – подумал Николай Сергеевич. – Съездить, что ли? В конце концов, опять же гонорар».

– Где вы находитесь? – почти согласившись, спросил Ребров. И, услышав ответ, воскликнул: – Что?

– Пятьдесят четвертый километр, – повторил голос в трубке. И тут же, догадавшись, что ветеринар может отказаться, мужчина добавил: – По два бакса за каждый километр в оба конца.

Двести шестнадцать долларов за визит? Надо ехать. Ничего себе у Эдуарда клиенты! Только следует узнать, что с собакой и какой она породы.

– Кто у вас? – спросил Николай Сергеевич, держа одной рукой трубку, а второй спуская с себя домашние брюки, чтобы затем натянуть джинсы.

– Ахалтекинец, – донеслось в ответ.

– Так у вас лошадь... – разочарованно вздохнул Ребров и потянул кверху пояс спортивных штанов.

– Эдик говорил, что вы и по лошадям специалист.

– Был когда-то, – соврал Николай Сергеевич, жалея о неполученном гонораре.

– Тогда подъезжайте, – настойчиво потребовал голос. – Лошадь, она и в Африке лошадь.

Пришлось все-таки надевать джинсы. В конце концов, завтра к владельцу заболевшего скакуна придет Хохлов, а за ночь, надо надеяться, конь не сдохнет.

Километровый столб, поворот направо... Ага, вот коттедж из красного кирпича, окруженный высокой стеной. Металлические ворота раздвинулись автоматически, и Николай Сергеевич увидел спускающегося с крыльца плотного мужчину в дубленке, наброшенной на плечи. Хозяин особняка подошел к «Ниве» и протянул руку.

Ребров пожал широкую кисть и услышал:

– Пойдем в конюшню.

Великолепный гнедой жеребец с изящной шеей и небольшой головой лежал на подстилке, подогнув под себя мускулистые ноги. Увидев вошедших, он поднялся было, но снова опустился на землю.

– Как звать красавца? – спросил Ребров.

– Барыга. Сын Баргузина и Ригонды. Слышали о таких?

Николай Сергеевич зачем-то утвердительно кивнул, а потом ответил честно:

– Нет.

И начал осматривать лошадь. Делал это не торопясь, боясь ошибиться в диагнозе. Подчелюстные лимфатические узлы животного были набухшими, слизистая носа воспалена, но гноя не было.

– Я очень лошадей люблю, – говорил в это время хозяин, – собираю даже картины, где они нарисованы. Записываю истории про них. Мне особенно одна нравится, как леди Годзилла...

– Годива, – поправил Ребров рассказчика.

Но тот продолжал. Как будто ничего не слышал:

– Как леди Годзилла села голой на лошадь и проехала по всему Лондону, чтобы муж налоги уменьшил.

Николай Сергеевич решил не уточнять название города.

Владелец жеребца разошелся еще больше.

– Во дает баба! Я через Лондон полтора часа на «Ягуаре» пер, а она голая на лошади, да в оба конца. Представляешь? – Мужчина неожиданно перешел на «ты».

Ветеринар не обратил на его вольность ровно никакого внимания, занимаясь своим делом. А увлеченный человек несея дальше, размахивая руками.

– Это леди за народ так беспокоилась. Вот какую подлянку мужику своему кинуть захотела. А если б я попросил свою: «Сядь на Барыгу голой и под окнами налоговой один кружок сделай, чтобы мне процентов десять скостили» – ведь не села бы. Та для чужих старалась, а нынешние для мужа родного не пошевелятся. – Рассказчик перевел дух, а потом спросил озабоченно: – Что с конем?

– Начальная стадия мыта. Хорошо, что сразу вызвали, поэтому проблем не будет.

– Укол надо делать?

Николай Сергеевич кивнул.

– Мытный антивирус введу. Вообще пенициллин тоже хорошо помогает. Вовремя меня вызвали: абсцессов вроде нет, так что вскрывать не придется. Только попросите того, кто за конем присматривает, обработать конюшню раствором хлорной извести и эмульсией креолина.

– Сегодня же все сделаем, – закивал хозяин. – У меня тут туркмен всем занимается, он в лошадях разбирается – у себя дома на конезаводе работал.

– Тогда справится и с инъекциями тоже.

– Пусть только попробует не справиться, – без улыбки произнес владелец жеребца. Задумался и вспомнил, о чем рассказывал: – Картину я там же, в Лондоне, приобрел, на которой эта леди Годзилла на лошади нарисована. Красивая баба! А конь так себе, хуже моего Барыги.

Он продолжал говорить, а Ребров подумал: «Надо же, послушать его – пустой человек, а ведь дом такой имеет, собственную лошадь, и «Мерседес» у него наверняка. Доходы большие, раз о налогах так печется».

За окнами начался снегопад. И не просто крупинки первого снега полетели, а крупные хлопья повалили с неба. Когда мужчины вышли во двор, их подошвы утопали в мягком, пушистом белом ковре.

– Зайдем ко мне, чаю попьем, – предложил хозяин.

Но Николай Сергеевич покачал головой: начало одиннадцатого, завтра с утра на работу, а до дома еще добраться надо.

– Все равно пошли, я рассчитаюсь с тобой.

Ребров стоял в огромной прихожей, на стенах которой висели олени головы с рогами и просто рога без голов. Вскоре появился владелец Барыги и протянул тонкую пачку долларов.

– Сто восемь – сюда и сто восемь – обратно. Итого двести шестнадцать. Вместе со стоимостью бензина – триста баксов. Достаточно?

Это было много. Даже очень много. Но спорить Ребров не стал, положил деньги в карман и начал прощаться. Хозяин протянул ему руку и сказал:

– Меня зовут Борис, а тебя, стало быть, Коля.

Николай Сергеевич кивнул. Ему не нравилось, что к нему обращаются так запросто, но не возражать же человеку, который платит столь щедро.

– Так вот, Коля. Завтра снова подъезжай, Барыгу посмотришь. И впредь давай-ка работай на меня, а то Эдик сопьется скоро. К тому же Барыга запах алкоголя на дух не переносит.

Ветеринар снова кивнул. Кто же от подобных предложений отказывается? И потом, Хохлов ему не друг, отношения между ними не испортятся, потому что и нет никаких отношений.

Внутри дома раздался шаг, и следом женский голос спросил:

– Ну, что там с Барыгой?

Борис обернулся. Повернул голову и Ребров. В холле появилась супруга хозяина. Увидев ее, Николай Сергеевич остолбенел – Мила! Все такая же красивая и молодая! Казалось, несколько прошедших лет если и изменили его бывшую жену, то лишь к лучшему, сделали еще краше. Темные волосы волнами лежали на плечах, а тонкое велюровое платье с разрезом, плотно облекая фигуру, подчеркивало красоту линий ее тела.

– Здравствуйте, – обронила Мила, вроде бы и не глядя на постороннего человека, стоявшего в прихожей. И, не делая паузы, обратилась к мужу: – Поднимайся скорее наверх: тебя ждет сюрприз.

Сказала так, словно и не было здесь никого, кроме нее и супруга. Мила обняла Бориса и прижалась щекой к его плечу.

– До завтра! – протянул руку ветеринару хозяин дома. Затем распахнул дверь и даже не вышел на крыльцо. А через пару минут нажал кнопку дистанционного управления, открывая ворота, может быть, уже из спальни.

– Узнала, узнала... – стучало у Николая Сергеевича в висках.

Ребров вел машину по заснеженному шоссе, а навстречу летели сотни белых стрел. Они бились о стекло и превращались в маленькие крупинки, которые тут же сдувал ветер. Первый снег в этом году. Ранний. Безумно ранний. Темные ели по обеим сторонам шоссе за какие-то полчаса обзавелись белыми опушками на рукавах своих ветвей, по обочинам тянулись небольшие сугробики, из которых торчали желтые прутики высохшей придорожной лебеды. Шоссе вело через лес, и фары, забитые снегом, освещали лишь небольшое пространство перед машиной.

Мила неожиданно бросила его. Ушла внезапно, хотя ничего неожиданного в самом ее уходе не было. Наоборот, чудом было то, что дочь полковника вышла замуж за сына потомственного ветеринара. Мать ее еще на свадьбе качала головой:

– Что ты делаешь, доченька? Если бы наш папа командовал кавалерией, то мы бы твоего мужа пристроили. Но в нашей дивизии не то что лошадей, даже кошек нет!

Но однокомнатную квартиру родители жены все же молодоженам купили. Жизнь у них складывалась достаточно успешно: Николай вскоре устроился в цирк, а Мила сдала экзамены в аспирантуру. Даже теща почти смирилась. Она иногда заезжала в гости и почему-то всегда в сопровождении какого-нибудь молодого и бравого старшего лейтенанта или капитана. С порога супруга полковника произносила:

– Знакомься, доченька, это Саня.

Или:

– Знакомься, доченька, это Ваня.

Потом на кухне мать шептала Миле:

– У Ванечки отец, между прочим, генерал.

Теща очень уважала военную форму и погоны, особенно если на них были большие звезды. До замужества она была официанткой в офицерской столовой отдаленного гарнизона, где генералов видели только по телевизору и где начинал службу будущий полковник.

Но Реброву было абсолютно все равно, чем командовал тесть, а на молодых и бравых Коля плевать хотел. Лечил в цирке медведей-мотоциклистов от их медвежьих болезней, делал прививки слонам и тиграм, выводил блох у обезьян, а вечером спешил домой к красавице жене, по пути забегая в пару квартир, чтобы принять роды у сенбернарихи или кастрировать английского голубого сфинкса. Дома принимал душ, смывая с себя запахи конюшни и слоновника, и лез греться в постель, где его уже ждала горячая Мила. Богиня любви благоволила ему: он любил и был любим ответно. Однако Марс нанес ему неожиданный удар, мощный, всеокрушающий и, согласно военной науке, исподтишка.

В очередной раз родительница супруги Реброва появилась в их квартирке уже в сопровождении молодого подполковника, который только что окончил Академию тыла и транспорта и был распределен к ее мужу замом все по тому же тылу. Гость подливал Николаю армянский коньяк «Ахтамар», а мать, выманив дочку на кухню, спросила у Милы:

– Ну, как?

Верная жена Реброва пожала плечами.

– Ты знаешь, кто у него отец? – зашептала родительница.

– Кто? – переспросила Мила.

Теща замялась: то ли забыла, то ли не знала, кто именно. Но быстро нашлась:

– Да уж не какой-нибудь там ветеринаришка.

Гость был увлечен рассказыванием армейских анекдотов и потому в первый свой визит ничего не сообщил о своих родителях. Перед уходом он поведал и пару совсем уж казарменных анекдотов, только вместо положенных по тексту слов произносил: «Ля, ля, ля», чему сам очень смеялся. А теща, перегнувшись через стол, заметила дочке:

– У него большое будущее.

И на секунду закатила глаза, словно собиралась упасть в обморок, представляя, каких высот может достигнуть сей молодой человек.

Подполковника звали Семеном. Он стал заезжать к Ребровым в гости уже без жены начальника, но с коньяком. И Николай об этих его визитах ничего, естественно, не знал. Правда, иногда, приходя домой, ложась в теплую постель и целуя жену, чувствовал запах «Ахтамара». Но даже тогда подозрения не находили места в сердце Коли, переполненном любовью.

И вот однажды в прекрасный весенний слякотный вечер он примчался домой, держа в руке букетик почти живых цветов. Открыв ключом дверь квартирки, Ребров, еще не догадавшись о кознях бога войны, крикнул с порога:

– Дорогая, собирайся: мы идем в театр. Я купил два билета на «Историю лошади».

Но ему никто не ответил. Потому что в квартире никого не было, только холодная постель с двумя примятыми подушками и пустая бутылка «Ахтамара» на столе. Под бутылкой лежала записка: «Мне надоело отбивать мужа у любящего его зверинца. Для тебя большая черепаха дороже жены. Желаю в следующий раз жениться на достойной тебя гадюке».

Это был сильный удар. Но Николай Сергеевич не обиделся на жену. Он ее любил.

Мила ушла к Семену, отец которого, кстати, оказался трактористом. Но у нас в стране, как известно, сын за отца не ответчик.

Развели их быстро, минут за пять, потому что у бывших супругов не было детей и материальных претензий друг к другу. Мила поступила очень благородно, оставив бывшему

мужу квартиру, забрала только корейский телевизор и японский музыкальный центр с караоке. Теперь она могла петь с Семеном строевые песни под музыку.

Как у нее сложилась дальнейшая жизнь, Ребров не знал. И вот эта встреча в роскошном загородном особняке...

Фары светили все слабее и слабее. Но лес должен был скоро закончиться, начнется нормальная трасса – четырехполосная, с подсветкой. Николай Сергеевич нажал акселератор, прибавляя газу. И в этот момент в освещенном пятне, бежавшем перед капотом, он на мгновение увидел лохматого пса, глаза которого блеснули, отразив лучи фар. Нога машинально вдавила педаль тормоза до упора, но тут же последовал удар. Автомобиль занесло, крутануло на месте, и «Нива» въехала в сугроб на обочине.

«Надо же быть таким невнимательным, – подумал Ребров, – собаку сбил». Он клял себя за то, что слишком углубился в воспоминания и потерял над собой контроль, отвлекся от дороги, – и вот результат.

Николай Сергеевич повернул ключ, завел двигатель и выехал из сугроба. Посмотрел назад на дорогу, но там было темно. Мелькнула мысль: надо бы поскорее уехать, а то появится сейчас хозяин пса, будет крик. И, вполне возможно, слезы. Да, лучше быстренько смыться.

Ребров уже хотел включить первую передачу, однако вместо этого открыл дверь и вышел на покрытую снегом дорогу. Собака лежала шагах в десяти позади «Нивы», дышала тяжело и хрипло. Вокруг полный мрак и мертвая тишина – слышно даже, как где-то далеко каркает ворона, одуревшая от ранней зимы.

Возвратившись в автомобиль, Николай Сергеевич осторожно задним ходом проехал несколько метров, остановился возле сбитого им несчастного животного, открыл багажник, разложил сиденье. Потом подошел к псу, с трудом поднял его на руки и положил в автомобиль. Шерсть была мокрой и жесткой.

Остаток пути Ребров ехал осторожно, но собаки больше на дорогу не выбегали. Сначала он открыл дверь квартиры и, оставив ее распахнутой, вернулся за животным, внес его внутрь, положил в комнате недалеко от стула, на котором стояла откупоренная бутылка вина, затем вышел во двор и закрыл дверь багажника.

Вернувшись домой, включил свет в коридоре, снял куртку, начал разуваться, посмотрел в комнату и – замер. Нет, не замер, а превратился в соляной столб: посреди его комнаты на полу лежал... волк. Не волк даже, а волчица. Причем беременная. Так Николай Сергеевич и стоял – в одном ботинке и не веря своим глазам. Во-первых, откуда взялись волки в пригородном лесу? А во-вторых, волчица не может быть беременной в октябре. Пары создаются весной, волчата рождаются летом. А сейчас осень, октябрь. Хотя если посмотреть в окно, то настоящая зима. Но вот же, пожалуйста, в его комнате лежит чуть не убитая им волчица. Она еле дышит, бока вздымаются тяжело и редко, только иногда по всему телу и большому животу пробегает слабая дрожь, будто животное все еще пытается перескочить через дорогу.

В морозилке у Николая Сергеевича лежал кусок говядины, купленный еще пару недель назад. Но суп так и не был сварен. Теперь же Ребров положил замороженное мясо в кастрюлю с водой и поставил на огонь, чтобы быстрее оттаяло. Нашелся еще пакет молока. Перелив его в миску, он вошел в комнату и поставил емкость на пол возле морды волчицы. Приоткрылся желто-карий глаз, но зверь явно не видел ни миску, ни человека – перед его равнодушным взором уже стояла вечность. Николай Сергеевич погладил без надавливания шерсть на спине и на боку, осмотрел лапы. Переломов не было. Волчица лежала тихо, и глаза ее были вновь закрыты. На кухне в кастрюле забулькала вода, волчье ухо дернулось и снова замерло. На полу растекалось мокрое пятно от растаявшего снега, запахло шерстью, логовом, дремучим лесом.

Ребров достал размороженное мясо, переложил в другую кастрюлю, сам не понимая, зачем. Сейчас все происходило как бы помимо его воли, словно какая-то магическая сила

заставляла ветеринара ходить по квартире, что-то брать в руки, потом ставить обратно. Что предпринять, Николай Сергеевич не знал. На полу комнаты лежал дикий зверь, и планов на завтра в отношении него не было никаких.

Он прошел в маленькую спальню, лег на постель, не снимая одежды, будто ожидая, что его вот-вот позовут. Посмотрел за окно на падающий снег, вспомнил Милу, ее поцелуи – и заснул.

Через какое-то время очнулся и не мог понять, отчего. Сквозь сон долетел до сознания какой-то звук, вроде бы что-то звякнуло в соседней комнате. Но там же никого нет... И тут вспомнилось – там волчица! Звук повторился – звякнула миска, и Ребров услышал стон, почти человеческий.

Николай Сергеевич встал и, войдя в соседнюю комнату, даже не включая свет, понял – волчица рожает. Ветеринар сразу успокоился – этот процесс он видел уже не один раз и теперь знал, что надо делать.

Когда забрезжил рассвет, а с крыш полились потоки растаявшего снега, Ребров положил в полиэтиленовый пакет двух мертворожденных волчат, вышел из дома, сел в «Ниву» и поехал в лес. Между двумя елками вырыл неглубокую ямку и закопал бедолаг.

Было уже светло, когда он вернулся домой, чтобы переодеться. Пришедшая в себя волчица вылизывала единственного живого детеныша, но когда Николай Сергеевич хотел войти в комнату, чтобы вытереть разлитое ночью молоко и забрать перевернутую миску, она оскалила клыки и негромко рыкнула для острастки.

Город утопал в грязных лужах вчерашнего снега. К вечеру, правда, вода сошла немного, но все равно «Нива» несла за собой два веера брызг. Обменяв доллары на рубли, Ребров заскочил на рынок, купил большой кусок парной говядины и освежеванную тушку кролика. Но домой так и не заехал, поспешив на пятьдесят четвертый километр.

Борис встретил его с распростертыми объятиями.

– Ты, Коля, и впрямь волшебник! – воскликнул он. – Пойдем, покажу Барыгу.

Жеребец переминался на песке небольшого манежа, и Ребров еще раз поразился его красоте. Но как только ветеринар подошел поближе, конь, словно почуввав что-то, попятился и захрапел.

– Стоять! – одернул его хозяин. Потом, обернувшись к ветеринару, произнес: – Еще неделька, и можно под седло.

– Я бы не советовал так спешить, через две недели, не раньше, – сказал Николай Сергеевич. И тут же покраснел, неожиданно поняв, что приехал сюда не ради больной лошади, не из-за желания заработать денег. Мила! Вот почему он сегодня так рвался сюда, поминутно скидывая руку, чтобы посмотреть на часы, вот почему время тянулось так медленно.

– Коля, поужинаешь с нами? – предложил Борис.

Ребров, сделав вид, что раздумывает, огляделся за чем-то по сторонам, вздохнул, опять посмотрел на часы и быстро, чтобы хозяин не передумал, согласился.

Они сидели вдвоем в столовой, на стенах которой висели цветные эстампы с изображением сцен английской охоты. А среди них была большая картина, написанная маслом, – обнаженная женщина на мощном коне. Женщину, как видно, срисовали из журнала «Плейбой», а моделью для лошади послужил французский тяжеловоз.

– Вот эта красавица, – хозяин дома показал ложкой на грудастую леди Годиву, – и проскакала через весь Лондон.

– Не могла она проскакать, – спокойно заметил Николай Сергеевич. – У першеронов основной аллюр – шаг. Как ни прищипывай, конь будет плестись еле-еле.

В столовую вошла ослепительно прекрасная Мила в длинном тонком свитерке и обтягивающих ноги лосинах.

– Здравствуйте. – Взгляд равнодушно скользнул по Реброву, и тут же Мила обратилась к мужу: – Звонила твоя мама...

Но Борис перебил жену:

– Слышь, вот он, – владелец жеребца мотнул головой на гостя, – говорит, что эта Годзилла на тихоходной лошади таскалась целый день голой по Лондону.

– Вообще-то это было в Ковентри, – тихо сказал Ребров, стараясь не смотреть в сторону Милы.

Но Борис выплюнул на стол косточку от маслины и, казалось, не услышал замечания.

– Ну, чего там мать хотела? – спросил он жену.

Николай Сергеевич видел, как порозовели внезапно ее щеки, и понял, что Мила смущена от того, как откровенно Борис проявляет свое невежество и свою невоспитанность. Кровь неожиданно прилила и к его лицу, когда в мозг постучалась простая-простая мысль: она не любит мужа. Конечно, разве может человек, выплевывающий на скатерть косточки от маслин, нравиться той, чья душа трепетала от прикосновения его, ребровской, руки, от одного только его взгляда или ласкового слова? Вспомнилось, как Мила замирала на его груди, ведь только так и могла заснуть.

Но все это пронеслось сквозь сознание, как скорый поезд мимо сельского полустанка, остались только боль в висках и недоумение: как Мила смогла?

Несколько лет назад, когда они, оформив развод, стояли ослепленные июньским солнцем, он перед тем, как попрощаться, вдруг сказал ей, непонятно почему:

– Прости.

И Мила, странно поглядев на него влажными глазами, поднялась на носочки и поцеловала его почти в ухо, потому что он дернулся навстречу. Затем, повернувшись, бывшая жена быстро пошла к стоянке такси.

Тогда он знал: больше им не встретиться. Хотел побежать за ней, но обида сдавила сердце, а гордость опутала ноги. Те и сейчас словно к полу прибитые.

– Пойдем, дом покажу, – вдруг предложил ветеринару Борис.

Они бродили по огромному зданию, которое можно было назвать дворцом. Везде на стенах висели ружья и трофеи: головы животных, шкуры оленей, лосей, медведей. Хозяин с гордостью вспоминал, где, когда и кого он застрелил лично.

– Представляешь, месяц назад волка грохнул! – радостно сообщил муж Милы. – Крупный такой! Пять пуль в него всадил, подхожу, а он живой, ползет на меня, явно броситься собирается. Ну, я ему еще с трех шагов между глаз вогнал. А главное, это недалеко отсюда было, километров пять. Сейчас мне таходермист чучело из него делает, хочу возле леди Годзиллы поставить.

Они ходили вдвоем по особняку, шум их шагов и звуки разговора гасили ковры. Было тихо за окнами и внутри здания, в огромном пространстве которого растворилась первая и единственная большая любовь Николая Сергеевича Реброва. Мила жила здесь, дышала тем же воздухом, ходила по этим же коврам, ее можно было бы коснуться рукой, и умереть за это безрассудство было бы счастьем. «Таходермист», как назвал специалиста Борис, сделал бы из него чучело или его головой украсили бы стену, и тогда он смотрел бы на свою звезду радостными стеклянными глазами.

«Нива» неслась к дому. Над лесом повисла луна, на которую выла из автомобильного приемника писклявая певичка, в кармане хрустели три сотни баксов, быстро-быстро шлепали по влажной трассе шипы колес: шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Будто не зимние шины разбрызгивают лужи, а он сам бежит быстро-быстро к чему-то родному и близкому, от чего на самом деле ехал сейчас в противоположную сторону.

Волчица даже не подняла голову, когда Николай Сергеевич вошел. Она спала или притворялась спящей. Темный лохматый комок привалился к ее животу, и мать осторожно вытянула лапу вдоль тела, чтобы детеныш не скатился.

На кухне лежала на полу пустая кастрюля, и мяса, оставленного в ней вечером, не было. Значит, волчица все-таки вставала и даже ходила по квартире. Эта новость обрадовала Реброва: зверь сам не захочет жить в его доме и, окрепнув, уйдет. Николай Сергеевич рассчитывал, что это произойдет через день или два.

До полуночи он сидел на кухне, пил вино, наливая себе из открытой вчера бутылки. Закусывал пресным сыром и поглядывал в окно на темнеющий в осеннем мраке материк недалекого леса. Когда бутылка опустела и была отправлена в мусорное ведро, из коридора донеслись шаги. Вернее, не шаги, а цоканье когтей по паркету. Ребров вышел из кухни и почти сразу наткнулся на волчицу, которая стояла у входной двери. Николай Сергеевич отодвинул задвижку, приоткрыл створку. Зверь высунул нос в щель и тут же проскользнул в проем уже всем телом. С лестничной клетки дохнуло промозглой сыростью, донеслись удары редких капель об асфальт и далекий сигнал автомобильного клаксона.

Дверь подъезда была не закрыта. Николай Сергеевич вышел во двор и огляделся. Единственный фонарь освещал лишь небольшое пространство вокруг себя, а лунный свет только открытые участки земли, все остальное поглощала черная тень от деревьев. И где-то в глубине этого мрака была волчица. Холод забрался под куртку, и озноб уже начинал тормозить напряженное тело, а Ребров все стоял и пытался хоть что-нибудь высмотреть во дворе. Но там не было ни звука, ни колебания тени, вообще ничего. Весь мир застыл и молчал, как будто затаил в себе самую большую тайну на свете.

Пришлось обойти весь двор и даже выйти за его границы – никаких следов. Небольшая дорога с растрескавшимся от старости асфальтом, за ней пустырь, превращенный в свалку, дальше темная полоса леса. И гулкая влажная тишина.

Вернувшись домой, Николай Сергеевич зашел в комнату, где еще полчаса назад лежала волчица, включил свет и огляделся. Детеныша, которому только-только исполнились сутки, нигде не было. Зато, войдя в спальню, увидел его лежащим на своей подушке. Наверное, мать, уходя, положила его туда, словно доверяя человеку самое дорогое, что имелось в ее волчьей жизни. Он взял на ладонь маленькое живое существо. Сердце его билось совсем тихо, и Ребров поднес детеныша к своему лицу, чтобы почувствовать, как оно стучит. Билось оно спокойно и ровно, не зная еще тревог и опасности. Волчонок был редкого окраса – черный.

Николай Сергеевич нашел в шкафу старую кроличью шапку, отряхнул ее и даже постучал по колену, чтобы выбить пыль. Затем вывернул мехом внутрь, положил туда волчонка и опустил шапку на пол возле чуть теплой батареи. Сам еще несколько минут просидел на корточках рядом, тихо шепча, словно пересказывал колыбельную песню:

– Спи, мама скоро вернется. Мама пошла искать новый дом. Найдет теплую сухую нору, вернется и заберет тебя с собой.

Затем он лег на свою кровать, долго лежал и не мог заснуть. Колыбельных песен ему давно никто не пел, а засыпать одному в холодной постели тяжело.

Перед самым рассветом его разбудил металлический звук стучащего замка, как будто кто-то бьет в дверь короткими толчками. Ребров вышел в коридор и сразу понял – это волчица царапает створку. Пришлось открыть. Она тут же проскользнула внутрь, проскочила в комнату, сделала круг и, не найдя детеныша, метнулась в спальню. Вернулась оттуда уже с волчонком.

Утром, когда Николай Сергеевич, собираясь на работу, сидел в «Ниве» и прогревал двигатель, к нему подошел сосед сверху.

– Слышь, Коля, – озабоченно сказал он, – мой брут куда-то запропастился. Ночью у него живот прихватило, я вышел вместе с ним. Брут умчался сразу куда-то, наверное, кошку почуял.

Я в подъезде постоял и домой вернулся. Думал, Брут вернется, полагает, и я открою. Только что проснулся, а его нет.

Сосед огляделся по сторонам и спросил в открытое окно:

– Может, здесь сучка чья-то бегаёт? Не знаешь?

Ребров пожал плечами, а владелец бультерьера уверенно сказал:

– Вернется, конечно. Что с таким псом делается? – И сам же на свой вопрос ответил:

– Ни-че-го!

Вечером Николай Сергеевич решил никуда не ездить, но Борис позвонил сам:

– Тебя сегодня не будет? А как же уколы? Завтра? Ну ладно. Только меня не будет, я в Москву на неделю уезжаю. Люся с тобой рассчитается.

Абонент уже отключился, а Ребров все держал трубку, из которой неслись короткие гудки, не понимая: какая Люся? Потом до него дошло: Борис так называет Милу. Стало обидно и горько, как будто сняли с неба солнце и повесили освещать заплеванной подъезд.

С наступлением темноты, когда звуки за окном и во всем доме утихли, волчица опять подошла к двери. И пропала до утра.

Весь следующий день была одна сплошная мука. Хорошо, что пациенты Реброва животные, а не люди, людей бы он точно бросил со всеми их болячками и коликами. Все людские недуги казались ему ерундой по сравнению с его собственной болью – сердце Николая Сергеевича разрывалось на части: одна рвалась в кирпичный особняк на пятьдесят четвертом километре, другая страдала от ревности, третья притворялась безразличной ко всему. И только где-то глубоко билась маленькая жилка, выстукивая в самозабвенном счастье: Ми-ла, Ми-ла...

Наконец он приехал туда. Ворота открыл не то охранник, не то сторож, который потом по пятам следовал за Николаем. А Мила так и не появилась. Затем были пустынная дорога и ветер, свистящий в оконную щель.

– Дурак, дурак, дурак! – Не сдержавшись, несколько раз Ребров ударил ладонью по рулю, ругая себя за то, что еще смог на что-то надеяться.

О чем думал? Выйдет красавица и бросится ему на шею, мол, увези меня отсюда, любимый, жить без тебя не могу? Нет, все кончено. На пятьдесят четвертый километр он больше не ездок.

Вечер был выключен из жизни Николая Сергеевича и вообще из его сознания. Его позвал к себе сосед сверху, и они поминали Брута, останки которого хозяин нашел на пустыре. В разгар поминок, когда собутыльник сказал, что неплохо бы вызвать девочек, Ребров решил наконец откланяться. Спустился на свой этаж и открыл дверь. Волчица тут же выскочила наружу. В дверях подъезда она, словно почуяв неладное, остановилась, обернулась и бросила пристальный взгляд на пьяного ветеринара.

– Все, – сказал ей Ребров, – больше не буду. Сейчас же иду к ребенку.

И волчица растворилась в ночи.

Утром она вернулась грязная. Шерсть была в песке и застывшей глине. «Выкапывала себе нору», – догадался Николай Сергеевич.

Он пил чай на кухне, когда раздался звонок.

В трубке была тишина. А потом, словно преодолев расстояние в несколько лет, долетел слабый голос из прошлого:

– Ты приедешь сегодня?

– Нет, – ответил Ребров. Но трубку не бросил, продолжал держать еще крепче, прижимая к уху.

– Приезжай, – умоляюще произнес родной голос, – я буду ждать.

Трубка уже опускалась на рычаг, когда из нее донеслось короткое: «Прости».

Слово это закрутилось монеткой на столе и стучало, и стучало. Только потом Николай Сергеевич понял, что это колотилось его собственное сердце.

Днем снова пошел снег. Мягкие крупные хлопья медленно кружились и падали, накрывая город белым чехлом. К вечеру снег был везде: на деревьях и уличных фонарях, на кустарниках и газонах, на крышах и подоконниках.

Белый и чистый.

«Когда-то и я таким был», – грустно подумал Николай Сергеевич.

Волчица кормила своего детеныша вдоволь и впрок, чтобы можно было уйти на всю ночь. Насытившись, тот засыпал, а мать аккуратно вылизывала его, очень осторожно, чтобы не разбудить. Ребров наблюдал за ними, а волчица, уже привыкнув к его взгляду, продолжала свою материнскую работу, видимо, считая человека, стоящего рядом, не таким уж посторонним. Потом она положила голову на передние лапы и поспала немного, дожидаясь, когда на улице все стихнет. Потом поднялась и направилась к двери.

– Я бы с тобой пошел, – сказал ей Ребров. – Или туда, куда мне самому очень и очень хочется.

Но лохматый зверь торопился и не хотел слушать человеческие бредни. Николай Сергеевич взял волчонка, снова положил его в шапку, ту придвинул к батарее, и тут раздался звонок в дверь.

– Вернулась, – машинально подумал Ребров и сразу усмехнулся своей мысли.

Он ведь подумал о волчице, как о человеке, который может уйти, а потом вспомнить, что забыл какую-то вещь дома, и вернуться. Скорее всего, это опять явился сосед и будет требовать продолжения поминок. Придется отказываться.

Николай Сергеевич открыл дверь, заранее притворившись усталым. Замок щелкнул, створка распахнулась...

На пороге стояла Мила.

Она стояла и молчала. Надо было отойти и впустить ее в квартиру, но ноги парализовало. Следовало что-то сказать, а у Николая сдавило горло. Бывшая жена тоже ничего не говорила, только смотрела.

– Не прогоняй меня, – наконец прошептала Мила. – Хотя бы полчаса поговори со мной.

– Да, да, – кивнул Ребров, делая шаг в сторону, – полчаса можно поболтать.

Зачем он так сказал? Хотя, с другой стороны, Мила ведь его вовсе не замечала. Он лечил их с Борисом жеребца, ходил по их дому, ужинал с ее мужем, а она скользила по нему взглядом, как по пустому месту.

Но Мила вошла в квартиру и улыбнулась:

– Знакомый запах.

И добавила:

– Роскошный аромат.

Николай помог ей снять длинное кожаное пальто с воротником из чернобурки, потом, как в былые годы, расстегнул «молнии» на высоких сапогах и снял их с нее. Причем второй сапог не захотел слезать с ее ножки, и он обнял ладонью ее щиколотку. А Мила вдруг наклонилась, поцеловала его в затылок, задержала свои губы на волосах, прошептала:

– Милый мой зверинец... Я столько лет скучала по этому запаху!

Таких слов он не слышал от нее раньше. И таких интонаций, полных нежности, тоже не было. Как не было и того, что сейчас переполняло его самого: безумной жалости и всеобъемлющей любви к ней. Любви, которая вычеркнула из памяти годы, проведенные без нее.

Ребров с радостью так бы и стоял в неудобной позе уличного чистильщика обуви хоть целую вечность, но сапог все-таки слез с ноги.

– Мне даже нечем тебя угостить, – признался Николай.

– Я все привезла.

Мила прошла на кухню, неся за ремень сумку. Стала извлекать из нее и выставлять на стол коробочки и баночки, нарезки колбас, сыров, лосося и осетрины. Последними на стол были водружены две бутылки бордо.

– Я помню, ты любишь красное сухое.

Похоже, Мила помнила все. Как и Николай, не забывший ни одной минуты их прежней жизни. Он помнил каждую родинку на ее теле, запах волос, звук сладкого предутреннего посапывания и страсть ночного поцелуя.

– Значит, ты сюда перебрался, – сказала Мила, раскладывая по тарелкам привезенные продукты.

А Ребров не нашел ничего лучшего, как проворчать:

– Я думал, ты с Семеном живешь.

Зачем он это сказал? К чему ворошить старое? Все это прошло. Отлетело, как лист, сорванный с дерева осенним ветром.

Но Мила не обиделась, наоборот, улыбнулась с незнакомой ему кротостью.

– Семен привез меня к себе, а вечером туда ворвался отец. Он даже порог не переступил, скомандовал: «Собирайся!» Сразу хотел отвезти меня к тебе, то есть к нам, но я неизвестно чего испугалась. Целую ночь редела у родителей, потому что поняла – все рухнуло. Потом надеялась, что ты позовешь меня, удержишь, простишь... А когда развелись, уже на все было наплевать.

Она сама открыла бутылку и разлила бордо по бокалам. У Николая застыла на губах фраза, которую он никак не мог произнести. А раз так, лучше промолчать и запить невысказанное вином.

Но разговор все же продолжался. О том, что было плохого, если и говорили, то как о старой болезни, которая прошла и уже не приносит страданий. Странно, еще день назад Николай не мог вспоминать об их разлуке без боли, сегодня же сидит и спокойно слушает про то, что Семен давно генерал и служит в Москве, в министерстве.

– А Борис? – спросил Ребров дрогнувшим голосом.

Только сейчас он понял, что это главное препятствие.

– Борис? – переспросила Мила. И сразу стала серьезной. – Мы познакомились год назад у общих знакомых. Он начал ухаживать красиво и с каким-то азартом, почти сразу сделал мне предложение. Я месяц подумала, а потом согласилась. Решила: мне скоро тридцать, а то, что не люблю его, не так уж и важно. Про себя я точно знала, что не полюблю никого больше. А так – у нас все будет. И действительно, у нас есть все. Вернее, у него. Причем все самое-самое лучшее: жена, конь, автомобиль, ружье. Мне даже трудно сказать, что из перечисленного Борис любит больше.

Мила вздохнула. Через секунду добавила:

– Но он далеко не так прост, как кажется.

Более она ничего не сказала о муже и вообще примолкла. А Николай Сергеевич все никак не мог выговорить то, что рвалось наружу. Потому что оно требовало честного ответа, а именно его Ребров и боялся.

– У тебя есть кто-нибудь? – наконец нарушила молчание Мила.

Николай взял ее за руку и повел в спальню. Подведя к батарее, показал на вывернутую кроличью шапку.

– Ой, – обрадовалась Мила, – щеночек! Какой маленький! Какой хорошенький!

И она взяла пушистый комочек в ладони.

– Ему три дня, – объяснил Ребров. – Только это волчонок.

– А где его мама?

– Утром придет.

Мила недоверчиво посмотрела на бывшего мужа и поняла, что это не шутка. Осторожно вернула волчонка в шапку, а когда выпрямилась, радостно удивилась:

– Ой, наша кровать...

И тогда Николай Сергеевич, напрягаясь и краснея, озвучил наконец то, что хотел спросить с той самой минуты, когда, открыв дверь, увидел ее на пороге:

– Мила, ты меня еще любишь?

Вместо ответа бывшая жена посмотрела ему в лицо, и Ребров увидел ее глаза – робкие и счастливые одновременно.

Они приближались друг к другу медленно, почти целое столетие. Николай уловил знакомый запах волос, почувствовал прикосновение к своим губам ее губ – мягких и влажных. Горячая волна прошла по всему его телу, от лица до кончиков пальцев. И он не стал больше ничего спрашивать.

Свет единственного фонаря во дворе, отражаясь от снега, расцветил стену спальни синими бликами. Мила поднялась с постели и, не одеваясь, пошла прямо по разбросанной по полу одежде. Вскоре вернулась с бутылкой вина и бокалами.

Так они и пили бордо, целуясь после каждого глотка, и постель была залита вином, словно кровью. Но оба не хотели думать о приметах; им было так хорошо вместе! И ничего на свете не было другого, кроме их любви.

Даже царапанье в дверь было где-то в ином мире. Как и вообще дверь в квартиру, и дом, и город, и прошлая жизнь. Но царапанье продолжалось все настойчивее и агрессивнее. Николай наконец услышал его, натянул джинсы и пошел открывать. На пороге стояла усталая и грязная волчица. Она даже не посмотрела на хозяина, а сразу побежала в спальню. Ребров поспешил за ней. Волчица подошла к батарее, вынула из шапки своего детеныша, косясь на женщину, замершую с бокалом вина в руках, и направилась к выходу. У порога положила маленький черный комочек на пол и, наклонив морду, лизнула босую человеческую ступню.

– Пожалуйста, – ответил на этот звериный знак благодарности Николай Сергеевич. Затем закрыл дверь, вернулся в спальню. И увидел через окно, как по синему снегу пробежала трусцой темная тень. Промелькнула и растаяла в предутренних сумерках.

– Она ушла навсегда? – спросила Мила.

Вместо ответа он забрал из ее руки бокал, одним глотком выпил оставшееся в нем вино и, наклонившись, поцеловал, закрыв глаза от счастья, плечо любимой женщины.

Ночь была прекрасна. И утро, и день. И вся жизнь впереди тоже.

К вечеру они наконец вылезли из постели, оделись и, взявшись за руки, вышли во двор, где сразу же столкнулись с Варварой Петровной. Соседка вежливо поздоровалась с ними обоими, словно встречала эту влюбленную парочку каждый день. И тут же, приблизившись к Николаю Сергеевичу, зашептала, поглядывая на его спутницу:

– Я вам вот что скажу: сосед наш – оборотень.

– Какой оборотень? – удивился Ребров.

– Да самый настоящий! – И, смотря в упор на непонятливого ветеринара, объяснила: – Имею в виду соседа сверху, конечно. я ведь давно подозревала, а сегодня ночью так спину ломило, что заснуть не могла, вот и подошла к окну. Гляжу...

При этих словах старушка перекрестилась.

– Гляжу, а из подъезда нашего волк выбегает. Здоровущий такой! Сосед и есть.

Ребров с Милой переглянулись, еле сдерживая улыбку. А соседка продолжала:

– Мне Татьяна Ивановна из первой квартиры еще позавчера говорила, что из нашего подъезда вечером волк выбегает, а под утро возвращается. Ходит по ночам, стало быть, сосед человечинной питается.

– Приснилось вам все, – попытался образумить старушку Николай Сергеевич.

Но та покачала головой.

– Я ведь Татьяне Ивановне не поверила, а зря, теперь вот сама убедилась. Надо срочно ружье купить и серебряной пулей его зарядить. Другая-то их, оборотней этих, не берет. Американцы в своих фильмах только так от них, проклятущих, избавляются.

На следующий день Ребров опять не пошел на работу. Но три дня прогула – это уже слишком, поэтому в очередное прекрасное утро он все же отправился на свою ветеринарную станцию. И это был самый длинный рабочий день в его жизни. Время тянулось так медленно, что Николаю Сергеевичу показалось, что он пробыл на работе целое тысячелетие. И дорога домой тоже была бесконечной. Зато его ожидали блистающая чистотой квартира, горячий ужин с красным вином, а главное – ослепительная красавица, по сравнению с которой пресловутая леди Годива – колченогая уличная торговка.

Впереди еще были суббота и воскресенье. А два дня выходных – это два шага на пути к выходу из будничной серой жизни. За два дня нужно успеть сделать то, что было упущено за тусклые и унылые последние годы. Они встали на этот путь, зная, что дорога впереди бесконечная, и торопились идти по ней, уверенные, что пятьдесят четвертый километр уже давно пройден.

Осень улыбалась им первым снегом, город встречал радостным хором автомобилей, темный лес за пустырем приветливо качал верхушками своих елей, вслед счастливой паре обращивались прохожие, а старушки, глядя на них из окон, доставали из глубин своей памяти самые безумные воспоминания. Даже угрюмый сосед сверху, потерявший недавно своего четвероногого друга и похоронивший на пустыре его останки (или, как он сам выразился, объедки), пригласил Николая и Милу к себе в гости.

Мужчина был веселым и остроумным. Провожая гостей, он, с некоторой завистью вздохнув, сказал:

– Все, теперь никаких собак. Теперь только жена. И как можно скорее.

Потом придержал за локоть Реброва и спросил:

– Не могу понять: как выхожу во двор, все бабульки разбегаются. А Варвара Петровна почему-то грозила мне в форточку кулаком и кричала: «Ужо будет тебе серебряная пуля!» Они что, с ума коллективно посходили?

– Подарите ей котенка, – посоветовал счастливый Николай Сергеевич.

Но за всеми радостями всплывала иногда темная тень понедельника. Два похожих дня, как два бильярдных шара, катились в лузу, из которой нет выхода. И хотя влюбленные не хотели думать об этом, Мила сама сказала солнечным воскресным днем:

– Надо ехать на пятьдесят четвертый километр. Оставлю мужу машину, возьму свои документы, соберу вещички, и мы вернемся сюда, домой, уже навсегда.

Тут же, не откладывая на вечер задуманное, они вышли во двор. Мила села в свой серебристый «Рено», а Ребров поехал следом на дребезжащей «Ниве».

Дорога показалась короткой. Закончился лес, потом большое поле, шоссе огибало его и приближалось к небольшой рощице, за которой виднелась черепичная крыша коттеджа.

Мила загнала автомобиль во двор, поднялась по ступеням крыльца и исчезла в доме. Николай Сергеевич остался сидеть в своей «Ниве». Слушал веселые песни о несчастной любви, несущиеся из приемника, и смотрел на освещенное солнцем поле. Кустарник, за которым начинался лес, был покрыт снегом, и казалось, что прямо из сугробов растут ветки белых кораллов, чьи фантастические контуры четко выделялись на фоне темно-синего леса.

«Если углубиться в лес, – подумал Ребров, – то, наверное, можно дойти до самого моего дома». И он тут же мысленно поправил самого себя: «До нашего с Милой дома».

Оттого, что он теперь не один, а с той, которую не забывал никогда, ему стало спокойно и хорошо.

На крыльце появилась Мила, несущая в руках две дорожных сумки. Николай смотрел на нее, слыша, как хрустит снег под ее ногами. Мила быстрым шагом прошла ворота, приблизилась к «Ниве» и что-то сказала, но он как раз открывал дверцу и стал укладывать принесенные ею сумки на заднее сиденье, поэтому смысл сказанной фразы не сразу дошел до его сознания.

– Поехали скорее, – повторила она, садясь в машину. – Муж здесь, еще вчера приехал, сейчас гуляет где-то с Барыгой.

Ребров прыгнул за руль, развернулся. Они миновали рощицу, выскочили на шоссе. Слева простиралось искрящееся поле, Ребров машинально повернул голову, чтобы снова взглянуть на синий лес и снежные кораллы. . .

Что-то ударило в стекло, и на нем зазмеились мелкие трещины. В центре их разбега – маленькое отверстие, в которое влетел звук далекого выстрела. И почти сразу прозвучал второй. Машину повело влево, застучало по дороге пробитое колесо. Нога сама нашла тормоз, но бесполезно – автомобиль крутануло, и он вылетел с трассы. Сугроб, кювет, удар. «Нива» наклонившись влево, увязла в снегу. Николай Сергеевич вылез наружу и помог выбраться Миле, спросив коротко:

– Цела?

Любимая только кивнула. Ребров улыбнулся от счастья быть рядом с нею. Бог с ней, с машиной, мир все равно прекрасен. Мила что-то произнесла тревожно и показала рукой вдаль за его спину. Что такое она увидела? Там же ничего нет, кроме солнца, синего леса и сверкающего поля, удивился Николай Сергеевич. Но все-таки обернулся.

В их сторону мчался, подгоняя гнедого коня, всадник. В руках у него – винтовка с оптическим прицелом. Вот он прижал приклад к плечу. Наверное, ему очень хорошо было видно каждого из них в самой верхушке буквы «Т», там, где пересекаются две палочки.

Ребров, быстро обняв любимую женщину, вместе с ней повалился в сугроб, и тут же прозвучал еще один выстрел. Пуля прошила дверь «Нивы» над самой головой Милы. Затем взлетел фонтанчик рыхлого снега в метре от ее плеча.

«Нет уж, пусть всадник стреляет в меня», – подумал Николай Сергеевич и поднялся во весь рост. Но выстрелов больше не было, хотя до Бориса всего ничего – меньше ста шагов. Вдруг Барыга резко затормозил, захрипел и, припадая на задние ноги, попытался развернуться, чтобы понестись к родному деннику. Борис с трудом сдерживал его, надеясь снова направить его в сторону тех, по кому стрелял.

И только тогда Николай заметил, что от кустов-кораллов несется большими прыжками серая тень. Волчица стелилась над землей, словно плыла по неглубокому снежному покрову, уверенно подгребая сильными лапами. До лошади и всадника ей оставалось уже не больше двадцати метров.

Борис наконец заставил коня остановиться. Он тоже увидел зверя и пришпорил Барыгу. А тот, в ужасе от приближающейся смерти, повалился на бок, придавив ногу хозяина. Из ствола, направленного вверх, вылетел пучок пламени, эхо выстрела проглотил лес. Волчица вытянулась в последнем прыжке. Но ее добыча не испуганный жеребец – Барыга успел подняться и, оставив всадника, помчался к рощице, за которой виднелась алеющая на солнце черепичная крыша с дымком над трубой, штопором ввинчивающимся в сияющее синее небо.

Часть вторая

Проходят дни, один за другим, серой вереницей. Каждый приносит то радости, то огорчения, то встречи, то расставания – что-то, потом теряющееся, растворяющееся в памяти, как ненужное и лишнее. Дни проходят, не оставляя следа, и только позже понимаешь, что ожидалось от жизни нечто другое, проскользнувшее мимо сознания и чувств. Напрягая мозг, пытаешься вспомнить, что же это было, пусть где-то далеко за краем осязаемого и чувственного. Или, может быть, ничего такого и не было никогда, да и не могло быть? Но зато приходит иногда едва уловимая, как блеснувший солнечный блик, мысль, терзающая разум: как хорошо было в детстве...

Все рухнуло в один момент. Но сказать, что Лена оказалась не готова к этому крушению, нельзя было: муж уже второй месяц жил у матери. Правда, он регулярно напоминал о себе – почти каждый вечер звонил, чтобы поинтересоваться делами, которых у Лены не было вовсе. Потом Роман спрашивал, что нового. Но и нового в ее жизни ничего не случилось. На этом разговор заканчивался.

Он бросил ее неожиданно. Просто однажды не пришел домой. А на следующий день утром, опять же по телефону, сообщил, что у его мамы сердечный приступ и ему пришлось всю ночь провести возле ее кровати. Но почему Руфину Леонидовну не увезли в больницу, осталось непонятным. Потом Роман забрал свои вещи и документы, причем сделал это, когда Лена была на работе. И снова по телефону объяснил, что должен пожить какое-то время рядом с немолодой больной женщиной, которая не может сама себя обслуживать, а денег на сиделку нет, потому что у него все средства вложены в бизнес. Лена согласилась с таким разумным вроде бы доводом. Только в конце разговора, не удержавшись, сказала, что днем навестила свекровь, и та показалась ей вполне бодрой и жизнерадостной.

– Мама не любит жаловаться на боль, – вздохнул Рома.

– Ей при мне позвонила какая-то подружка, и они почти час болтали. Кого-то обсуждали и смеялись.

– Зачем ты говоришь неправду? – возмутился муж. – Я же беседовал с врачами и знаю, как ей плохо.

Лене не оставалось ничего иного, как вновь согласиться с доводами Романа.

Зима подходила к концу. С крыш капал растаявший снег, отваливались сосульки, а иногда с грохотом рушились на асфальт части водосточных труб, из которых вылетали куски льда. И это радости в жизни не добавляло. Скорее всего, муж ушел навсегда, и Лена догадывалась почему.

Два года назад Роман решил открыть свой бизнес. Правда, толком не знал, какой именно. Сначала он занялся рекламой, но дело не пошло: крупных заказов не было, а мелкие случались так редко, что жить приходилось исключительно на то, что Лена зарабатывала в школе. Конечно, этих денег было мало – Рома привык к хорошей жизни. Его отец, в недавнем прошлом заместитель главы районной администрации, умер три года назад, а привычка не отказывать себе в том, что хочется, у сына осталась. Роман, вероятно, потому и подумал стать бизнесменом – рассчитывал на старые связи отца. Однако прежние друзья и подчиненные заместителя главы районной администрации, как выяснилось, помочь ничем не могли.

Накопления быстро закончились, и стало бы совсем туго, но по окончании очередного учебного года Лена ушла из школы и устроилась офис-менеджером в небольшую компанию, где платили вдвое больше, чем учительнице истории и обществоведения. Конечно, и этих денег было недостаточно, но на еду хватало. Роман целыми днями пропадал где-то, а потом... потом вдруг взял и ушел. Лена поразмышляла и пришла к выводу, что муж сбежал не от нее, а от

неустроенности их семейной жизни. Вероятно, Роме было неловко от того, что он не может обеспечить жене достойное существование.

Она продолжала так думать, даже когда в первый раз посетила якобы больную свекровь и застала ее во всем блеске салонного макияжа, болтающей по телефону о веяниях моды, о подружках и их мужчинах. Руфина Леонидовна даже и не пыталась притворяться недужной, а тем более умирающей. При расставании дама сообщила, что Рома заключил контракт на поставку крупной партии цветов из Голландии для реализации их в канун весеннего праздника Восьмого марта и собирается прилично разбогатеть. Контракт этот устроил сыну ее близкий друг, некий Тихон Степанович, работавший когда-то в районной администрации руководителем какого-то отдела. Тот же благодетель помог Роману с получением кредита в банке, потому что половину стоимости цветов надо было оплатить сразу, а остаток в течение трех дней после получения товара.

Лена немного успокоилась, решив, что Роман вернется после того, как разбогатеет. Но дни шли, и молодая женщина привыкала жить одна. А когда поняла, что жизнь ее хуже не стала, удивилась: неужели она не любит мужа?

Будущие супруги познакомились еще в школьные годы, когда после восьмого класса Лена перешла в новую школу, с гуманитарным уклоном, которая считалась престижной. Среди одноклассников Рома был не самым видным юношей, но, пожалуй, самым общительным и довольно остроумным. Учителя прощали ему многое, потому что его отец работал в районной администрации, а руководство школы ссориться с местной властью не хотело. Очень скоро Роман начал за Леной ухаживать – сидел на всех уроках рядом, потом пригласил на свой день рождения. Пригласил, кстати, единственную из класса, если не считать Веню Похлебкина и Сашу Бондарева: у первого отец был преуспевающим бизнесменом, владельцем автосалона, а отчим второго боролся с экономическими преступлениями.

В тот же вечер Рома признался Лене, что она ему очень нравится, и молодые люди стали встречаться: ухажер провожал ее домой после школы, приглашал в кино. Такое общение продолжалось почти три года. Учась в десятом классе, они начали целоваться – у кого-нибудь из них дома или в парадных при расставании. Рома требовал большего и очень обижался, когда подружка не соглашалась. Все произошло уже после того, как оба поступили в университет: он на социологию, она на исторический. И произошло, конечно же, не случайно. Лена даже думала, что по любви. А может, так и было. После этого они поженились и прожили вместе несколько лет, особо не ссорясь, без упреков и скандалов...

Сосульки стали сыпаться с крыш все чаще, праздник Восьмого марта приближался. Однажды Рома позвонил и после обычного вопроса «Как дела?» признался, что скоро у него будет очень много денег.

– На цветах заработаешь? – поинтересовалась Лена, которая и так все знала от свекрови.

– Ну да, – согласился Роман. – Я сто тысяч евро вложил, а чистая прибыль составит более полумиллиона. Конечно, сто тысяч придется отдать, а еще проценты за кредит банку надо будет вернуть. Но зато... Короче, все будет более чем хорошо. Представляешь, всего неделя – и такая прибыль!

– Желаю удачи, – сказала Лена.

Ей подумалось: Роман скоро вернется богатый и счастливый, жизнь переменится... И вдруг Лена отчетливо поняла, что не хочет этого. То есть ей было все равно, разбогатеет муж или нет. Просто она уже почти привыкла жить одна и возвращения супруга уже не желала. К тому же проскочила мысль, что полмиллиона евро за неделю заработать невозможно, тем более Роману, не отличающемуся работоспособностью и деловой хваткой. Следовательно, очень вероятно, получится так, что муж не заработает ни копейки. Однако Рома не догадывается об

этом, а позвонил ей для того лишь, чтобы похвастаться своей удачей: судя по всему, его распирает глупая и наглая мечта, что он очень скоро станет состоятельным человеком.

На Восьмое марта подарков она не получила ни от кого, если не считать букетик желтых тюльпанов от руководства фирмы, небольшой денежной премии в конверте, врученном директором, и маленького флакончика духов от коллег-мужчин. Женщин в коллективе хватало, и почти все они получили флаконы побольше, но ведь у Лены была не самая высокая должность. Праздник она встретила с мамой, которая знала, что зять живет отдельно, а потому лишних вопросов не задавала и старательно скрывала, что переживает за дочь.

И только вечером, ложась спать, Лена вдруг вспомнила о Романе и подумала: он, вероятно, несмотря ни на что, разбогател, странно только, почему не звонит. Хотя чего тут удивляться: многие в подобном случае забывают не только оставленных жен, но и друзей, родителей и вообще то, что их связывало с прошлой жизнью, в которой они были такими же, как все.

Так прошла неделя. И вот однажды, вернувшись с работы, Лена обнаружила на кухне Романа, который уплетал приготовленный ею накануне овощной супчик. Выглядело это так, словно ничего не случилось, как будто и не было его двухмесячного отсутствия. Лена вернулась в прихожую, стала снимать дубленку и сапоги, размышляя, надолго ли муж вернулся. И тут Роман не вытерпел – прибежал из кухни с тарелкой в руках и начал делиться новостями. Точнее, неприятностями.

– Короче, полная задница получилась, – нервно говорил он, – меня кинули. Обманули нагло и подло. Я так и не получил фуры с цветами. Дал людям доверенность на растаможку и на реализацию... доверился каким-то... и теперь ни машин с грузом, ни этих людей. Тихон Степанович обещал посодействовать в поиске, подключил свои ментовские связи, я написал заявление, но пока все наши усилия тщетны. А еще на меня наехал банк, требует возврата средств. И голландская фирма тоже звонит каждый день, угрожает полицией. Ничего, с голландцами я как-нибудь разберусь. Не убьют же они меня, в самом деле...

Рома задумался. Посмотрел в пустую тарелку. И вздохнул.

– А вот с банком беда полная. От них уже приходил какой-то мордорот и требовал вернуть деньги и проценты как можно быстрее. Причем объявил, что ему тоже кое-что с меня причитается, за беспокойство, так сказать. Короче, требуют сто двадцать тысяч.

– Печально, – согласилась Лена, проходя на кухню.

– Не то слово! Когда еще найдут машины с цветами... Хотя цветы, понятное дело, уже проданы. Но деньги мне надо возвращать в ближайшее время. Я ж кредит брал под залог нашей квартиры...

– Как? – удивилась Лена. – Я ведь не давала согласия!

– Да это для них не проблема, – махнул рукой муж. – Наша квартира всяко стоит не меньше двухсот пятидесяти тысяч евро: они простят долг, банк возьмет свои деньги, а на разницу предоставит другое жилье.

– Кому?

– Нам, – уверенно заявил Рома. Посмотрел в глаза жены и немного стусевался. – То есть тебе.

– Я не хочу отсюда уезжать, – покачала головой Лена.

Рома наконец поставил пустую тарелку в мойку, бросил тоскливый взгляд на стоящую на плите кастрюлю, вздохнул и продолжил:

– Мы же все равно разведемся. А значит, и так пришлось бы делить жилплощадь, продавать эту квартиру. А если ты помнишь, на нее деньги давали мои родители, то есть отец, когда еще был жив.

– Но ведь и мои тоже! Продали дачу ради этого.

– Две трети суммы дал мой отец, а остальное твои папа с мамой. Так что, если по-честному, то ты можешь претендовать только на...

– погоди! – не дала ему договорить Лена. – А мама твоя не может тебе как-то помочь? Роман взглянул на нее если не с гневом, то с явным осуждением.

– Ты что! Я ей вообще не говорил о том, что у меня произошло, у нее же сердце слабое. Хочешь, чтобы я остался круглым сиротой?

– Но Тихон Степанович обещал тебе помочь.

– Обещал, – согласился Роман, – но когда это произойдет, неизвестно. Только если я не рассчитаюсь с долгом в ближайшее время, то меня уже не будет. И когда мама узнает о моей смерти, не станет и ее. Ты этого хочешь?

Лена позвонила лучшей подруге. Может быть, даже единственной. Хотела поделиться.

Та слушала некоторое время, а потом, видимо, ее дружеское терпение лопнуло.

– Леночка, я в курсе и по поводу развода, и по поводу того, как Рому кинули, и по поводу многого другого, о чем ты в силу своей...

Подруга замолчала, явно подбирая слово помягче. Но словарный запас у нее был не очень большой, потому она объявила без ненужной дипломатии:

– Дело в том, что мы с Ромочкой уже два с лишним месяца живем вместе, а вообще полтора года любим друг друга. – Затем, словно, опасаясь, что ее могут перебить или сказать что-нибудь обидное, подруга продолжила в ускоренном темпе: – Ты что думаешь, если мужу борщи варишь, то он уже навсегда твой? Мужу надо еще чего-нибудь, кроме кулинарии... А то корчишь из себя невесть что!

– Я не корчу, – растерялась Лена, – ты же зна...

Но подруга не желала слушать возражений.

– Подумай лучше, как Роме помочь, – приказала она. – Продажа квартиры – это сейчас единственный выход. К тому же ты внакладе не останешься. Хотя будь моя воля...

И тут же пошли отбойные гудки.

Гудки были противными. И все звучали, терзая душу. Только через пару минут Лена поняла, что сидит с трубкой в руке. Больше советоваться ей было не с кем. Не свекрови же звонить, в самом деле!

Она аккуратно поставила трубку на базу и решила подумать о ситуации, в которой внезапно оказалась. Конечно, муж – бывший, конечно, – поступил подло. Но после разговора с подругой – уже тоже бывшей, разумеется, – Лена понимала, что не хочет его возвращения даже ради сохранения квартиры. Лучше было бы, если бы у Романа все закончилось благополучно: да, да, пусть бы с ним рассчитались и вернули деньги, тогда не нужно будет разменивать квартиру. Но надежда на это слабая. С другой стороны, у него теперь есть ее бывшая подруга, и воевать Лене придется сразу с двумя. Причем если Рому еще можно как-то победить, то подруга своего точно не упустит, когда идет речь о жилье в престижном районе. Если бы эта подруга в семнадцатом году обороняла Зимний дворец, то большевики никогда не взяли бы власть. Жаль, конечно, что ее там не было. Но зато теперь она рядом с Лениным бывшим мужем и готова воевать до победного конца. Так что с квартирой придется расставаться. Хотя особых сожалений по этому поводу быть не должно: Роман сказал, что ей достанется взамен другая. Понятно, что поменьше, зато своя – без «верной» подруги и скучающего перед телевизором или перед компьютером мужа...

Размышления прервал телефонный звонок. Взяв трубку, Лена услышала голос Романа. Тот, вероятно, находился у подруги, и они вдвоем выжидали некоторое время, чтобы обманутая жена немного пришла в себя и смирилась с неизбежным.

– Вариант есть, – сообщил Рома как ни в чем не бывало. – Очень даже хороший вариант: я отдаю банку квартиру по цене, установленной независимой экспертизой, банк возвращает

мне разницу в стоимости. Кстати, разница неплохая, спасибо Кристинке, она посодействовала. Так что на улице ты не останешься...

Кристиной звали бывшую подругу, которая как раз и занималась оценкой квартир и строений.

– А свой процент она не забыла вычесть? – поинтересовалась Лена.

Но Рома пропустил вопрос мимо ушей.

– Тебе даже не квартира, а загородный дом получается, – с удовлетворением констатировал муж, – совсем неподалеку.

– Я не хочу жить за городом! – возмутилась Лена. – Мне нравится город! И потом, у меня же работа, мне каждый день надо ездить в офис. Как ты себе это представляешь?

Роман начал объяснять, что цены на однокомнатные квартиры сейчас неожиданно взлетели, а потому на городское жилье немного не хватает, что к тому же предлагаемый Лене участок земли не так далеко от кольцевой и от станции метро... Голос его был твердым. Вероятно, рядом с ним сидела Кристина и подсказывала, что говорить.

– Если не хватает немного, – сказала Лена, – то, может, ты перезаймешь где-нибудь эту маленькую сумму? Или возьмешь у своей мамы?

– Как ты можешь такое предлагать?! – возмутился муж. – У моей мамы большое сердце, и тебе это хорошо известно! Ты хочешь, чтобы она... Я от тебя такой подлости не ожидал! Предпочитаешь жить в городе, занимай у своей мамы.

Спорить было бесполезно. Можно было бы упереться и отказаться от озвученного варианта, но... Вдруг с Романом что-нибудь сделает служба безопасности банка? Побьют, искалечат... Не дай бог, конечно, но ведь тогда виной всему окажется именно она.

Лена закрыла глаза и представила, как Кристина везет в инвалидной коляске Романа по вагонам метро. У него сломан нос, нет зубов, Рома парализован, а на его коленях стоит рамочка с компьютерным текстом: *Бывшая жена лишила меня квартиры и здоровья.*

– Эй, ты меня слышишь? – долетел из воображаемого будущего голос Романа. – Пойми, квартиру и так заберут, лучше будет, если ты сразу согласишься на то, что предлагают.

– Это далеко? – вздохнула Лена.

– Пятнадцать километров от города. Может, и того меньше, от кольцевой десять минут на машине. Там престижный коттеджный поселок, в котором проживают уважаемые люди. Когда-то это был пятьдесят четвертый километр, но теперь новая разметка.

– Если машина остается мне, то я согласна.

– Сразу бы так! Завтра поедем туда... А машину я продаю – ты же знаешь, какие у меня проблемы. Извини. Ну все, сейчас буду звонить агенту и договариваться об осмотре.

Разговор закончился. Про машину Лена вспомнила на всякий случай, хорошо зная, что Рома ее вряд ли согласится отдать: «Векстрой» пользовался в основном он, давая жене сесть за руль только в исключительных случаях. Общественным транспортом добираться до города будет сложно, но если дом и в самом деле в престижном поселке, оттуда наверняка ходят автобусы... И вообще можно ведь купить за небольшие деньги какие-нибудь колеса, не очень дорогую и не очень древнюю машину.

Деревня называлась Ершово. Съехав с кольцевой, добирались до нее немногим больше двадцати минут. Роман, разумеется, на смотрины не поехал, зато Кристина присутствовала. Пухлый риелтор всю дорогу расписывал красоты местности, окружающей поселок, лес, речку, уникальную флору и фауну. Бывшая подруга молчала и смотрела в окно. Но когда прибыли на место, повернулась к Лене и попыталась улыбнуться:

– Ты вроде обижаешься на меня за что-то?

От подобной наглости Лена растерялась и покачала головой.

А бывшая подруга, уверенная в своей правоте, продолжила:

– Рано или поздно это должно было случиться. Уж лучше, что Рома ко мне ушел, а не к какой-нибудь...

– Какие ваши годы, – отмахнулась Лена, – все впереди еще.

Кристина вытаращила глаза.

– Не знала, что в тебе столько злости. Я тебе добра столько сделала за долгие годы нашей дружбы, и вот получаю теперь благодарность... Этот вариант, между прочим, я тебе подыскала, а могла бы...

Она шла следом и разговаривала уже сама с собой – Лена не слушала. Зато смотрела по сторонам, понимая, что ее обманули или пытаются обмануть. Вокруг лежал снег, никакого престижного коттеджного поселка видно не было. Имелась только деревня Ершово с покосившимися избушками, хотя на окраине ее нашлась улочка из вполне приличных строений.

– Местные уже распродали свои участки, – объяснял риелтор. – Скоро всю эту богательню снесут, и поселок станет – загляденье. Тогда и цены на землю здесь будут просто астрономические. Хотя и сейчас высокие. Так что вам еще повезло. Я этот вариант Кристине по старой памяти предложил. А надо было бы придержать участок до лета – вдвое больше бы выручил...

Все, о чем говорил пухлый человек, возможно, и имело бы смысл, но только домик, предложенный Лене, стоял не в деревне Ершово и к будущему коттеджному поселку не прикасался никаким боком: до деревни метров двести, если тащиться через заснеженное поле, а по дороге получалось значительно больше. Кстати, и от дороги до домика тоже надо было идти.

Лена осмотрела бревенчатое строение, очень похожее на баню с надстроенным мансардным этажом. Окошки, правда, не такие маленькие, как в бане, но света внутрь, вероятно, проникает не очень много.

– За домом начинается спуск к речке, – объяснял риелтор. – Сейчас ее не видно, под снегом и льдом скрыта, но рыба в реке есть, и это плюс.

– Если крокодилов нет, уже неплохо, – машинально согласилась Лена.

За заснеженным узким руслом темнел густой лес. Лес был тихим и манящим.

Риелтор долго не мог отпереть замерзший замок. Мучился, напрягался, возясь с ним, но продолжал рассказывать:

– Домик построил один известный бизнесмен – хотел расположить здесь свою резиденцию. Намеревался все поле возле деревни купить, а это почти десять гектаров. Но успел поставить только охотничий домик, чтобы приезжать сюда дичь пострелять, а дичи здесь очень много. Но поохотиться не успел: сгорел на работе вместе со своим «Мерседесом». Его знакомая выставила участок на продажу и попросила меня по старой памяти помочь. Дом, может, и не очень большой, но земли пятнадцать соток, так что есть где ставить коттедж побольше...

Замок наконец поддался, риелтор с трудом отворил дверь, распахнул ее перед Леной, пропуская будущую хозяйку внутрь.

Комнат было две. Первая служила кухней и столовой, вторая спальней. Несмотря на внешнюю неказистость строения, мебель оказалась вполне добротной: в кухне круглый стол, под который задвинуты стулья с резными спинками, в углу примостился небольшой холодильник, а в спальне имелись огромная кровать с полосатым матрасом, комод и платяной шкаф.

Пухлый риелтор хлопнул по матрасу ладонью, и, нисколько не смущаясь поднятой с него пылью, с удовлетворением объявил:

– Ортопедический, с кокосовой стружкой.

– Жить здесь невозможно, – покачала головой Лена.

У бывшей подруги округлились глаза.

– Вы только посмотрите на нее! – вскричала Кристина, обращаясь к дощатому потолку. – Тут есть все, даже холодильник, а она выкобенивается!

– Здесь нет элементарных удобств. Простите, но куда мне в туалет ходить – в поле? А душ принимать в речке? – повернулась к риелтору Лена.

Она нажала на кнопку настенного выключателя, но света в комнате не прибавилось.

– К тому же электричества нет.

– Вопрос с электричеством можно решить очень быстро, – торопливо заговорил пухлый риелтор, – до ближайшего столба полсотни метров. Вам это почти ничего стоить не будет.

– Вот ведь ты какая! – продолжала возмущаться Кристина. – Бедный Роман, с кем ему пришлось столько лет мучиться!

Слушать ее стоны было противно. Лена вышла на крылечко и посмотрела в сторону деревни, на несколько аккуратных коттеджей, за которыми едва проглядывали темные от старости крыши покосившихся деревенских домов. Солнце выбилось из-за туч, и просевший весенний снег заискрился. Лена шагнула с крыльца и, ломая хрустящую корку, направилась к речке. Через двадцать шагов начинался небольшой спуск. Русло было шириной вряд ли более десяти метров, на противоположном берегу из снега торчали черные прутья засохших камышей, за ними стояли сосны. Лена снова посмотрела на лес, понимая, что ей нравится здесь все больше и больше. Между соснами прыгал по снегу серый с рыжими проплешинами заяц. Зверек присел возле одной из сосен и посмотрел на Лену. Потом встрепенулся и, словно испугавшись чего-то, рванул в глубь леса.

Позади раздался хруст снега.

– Как хорошо... – прозвучал голос подошедшего риелтора. – Если при подписании договора продавец обязуется в течение двух месяцев подвести к дому электричество и оборудовать удобства, вы согласитесь на сделку?

– Соглашусь, – кивнула Лена. – Только мне еще машина нужна, чтобы выбираться отсюда в город.

– Ну, это вы с бывшим мужем решайте, – сказал пухлый мужчина. – Мое дело – недвижимость.

Всю обратную дорогу Кристина возмущалась жадностью подруги. Реагировать на ее причитания и оскорбления не хотелось, а потому Лена старательно разглядывала виды за окном. Уже въехали в город, когда в сумочке Кристины затренькала мелодия мобильного телефона: вероятно, Роман, уставший от ожидания, не выдержал.

– Ты послушай, чего хочет эта тварь, – не стесняясь присутствия бывшей подруги, заорала в трубку Кристина, – удобства ей, видите ли, подавай, да еще обязательно машину. Как ты мог с такой связаться?..

Лена не выдержала и попросила остановиться. И пошлепала к станции метро пешком, благо, что до нее оказалось совсем недалеко.

Договор подписали через день. Роман явился в риелторское агентство под ручку с Кристиной и делал вид, будто с Леной едва знаком. Обсуждать необходимость приобретения для бывшей жены автомобиля не стал, а Лене вдруг стало противно разговаривать с этой парочкой вообще о чем-либо. Электричество и удобства ей обещали к середине мая, на большее она и не рассчитывала.

На самом деле постоянно проживать за городом Лена не предполагала. В свое время родители продали дачу, чтобы добавить молодой семье на квартиру, и потому домик возле леса как бы возврат того, что она принесла мужу в качестве приданого. Ей придется вернуться в родительскую квартирку, знакомую с детства, с такими родными видами из окон и запахами. Ну да, две маленьких комнатки и кухонька без окна, однако их обитателям никогда не было тесно. А теперь, когда не стало отца, Лене с мамой вполне хватит места, чтобы не надоедать друг дружке. Страшно только было позвонить ей и сообщить, что дочь собирается разводиться с мужем.

Но, как ни странно, мама перенесла известие спокойно, без охов и ахов. А когда узнала, что при разделе имущества Лене достался домик, удивилась даже:

– Оказывается, твой Рома порядочный человек.

И только потом, когда Лена перебралась уже окончательно и разложила по полкам шкафов свои вещи, поинтересовалась причиной, из-за которой распалась молодая семья.

– А ты сама как думаешь? – осторожно переспросила Лена.

– Вы очень разные, – ответила мама. – Еще в школе было ясно, что вы не пара. Ты – красавица, а он – никакой.

В школе ничего не было ясно. Лене даже казалось, что она влюблена. Роман был щедрым на приглашения в кафе, дарил французские духи и косметику. Как потом выяснилось, у будущей свекрови было много нераспечатанных коробочек, преподнесенных подчиненными ее мужа. Именно мать давала Роме эти подарочки со словами «Порадуй девушку!», вероятно, уверенная в том, что именно духи и косметика делают женщину счастливыми, а уж Лену тем более. И все же свекровь неплохо относилась к невестке, хотя с ее родителями старалась не общаться даже по необходимости. Точно так же она не добиралась куда-либо в рейсовом автобусе, предпочитая служебный автомобиль мужа с вышколенным водителем или на крайний случай такси. Отец Лены работал как раз шофером на автобусе. Он и умер за рулем, успев все же припарковать огромный старый «Икарус» возле полыхающего желтыми одуванчиками весеннего газона.

В школе ее считали красивой, иначе Рома и не обратил бы на нее никакого внимания. В университете за Леной ухлестывали сокурсники, но к тому времени у нее уже был Рома. Потом с заочного на дневное отделение перевелась Кристина Лысенко, и троица хоть и училась в разных группах, как-то неожиданно подружилась. Собственно, ничего особо неожиданного в этом не было. Кристина сама стала набиваться Лене в подруги и бывать у нее с Ромой дома. К тому времени девушка уже сходила замуж, развелась и любила повторять, что в такую кабалу второй раз не пойдет даже под угрозой расстрела. Но ей никто и не предлагал подобного. Да и Рома вряд ли мог предложить. Так, по крайней мере, казалось тогда Лене. Впрочем, думать о том, как теперь живут бывший муж с бывшей подругой, не хотелось вовсе.

Пару раз звонила бывшая свекровь. Первый раз Руфина Леонидовна поинтересовалась, есть ли у Лены кто-нибудь. Тут же добавила, что Роме не следует быть бизнесменом – сын из последней заварушки еле ноги унес, и если бы не Тихон Степанович, то неизвестно, чем бы все закончилось. Лена вопросов не задавала: просто пожелала бывшей свекрови не болеть больше.

– Да я и не болею вроде, – не поняла мама Ромы.

Во второй раз Руфина Леонидовна позвонила через неделю. Женщина долго молчала, а потом спросила осторожно:

– А куда это я попала?

После того, как Лена ответила, еще помолчала немного и поинтересовалась вкрадчиво:

– Ты еще никого не завела?

– Нет.

– Ты мне правду говоришь? – не поверила бывшая свекровь. – Ну, если захочешь, то у Тихона Степановича есть солидный знакомый – вдовец, в банке на солидной должности, сорок шесть лет, но весь подтянутый, потому что бывший военный.

– Мне не нужны военные с подтяжками, – отрезала Лена.

– Ты не спеши, подумай хорошенько, а то вдруг...

– Я занята, – соврала Лена и бросила трубку.

Больше старая сводня ее не тревожила. Да и мама вопросами особо не беспокоила.

Весна была в самом разгаре, от снега не осталось и следа, когда мама вдруг вспомнила о домике в деревне Ершово.

– Давай как-нибудь съездим туда, поглядим, что тебе осталось на память о семейной жизни, – предложила она. Помолчала немного и добавила: – Вот только не очень хочется в электричке трястись. Знаешь, у меня новая знакомая появилась, в поликлинике разговорились. Так вот, эта женщина продает гараж вместе с машиной. Гараж нам не нужен, разумеется, но машинка пригодится. Пойдем посмотрим, а?

Спорить Лена не стала. Хотя подумала: чего смотреть, если денег на приобретение автомобиля все равно нет? Но, как оказалось, мама обо всем договорилась заранее.

Новая знакомая мамы была не старой еще женщиной, правда, с несколько помятым лицом. Она уже ждала возле гаража вместе с таким же помятого вида мужчиной. Двери гаража были распахнуты, а внутри стояла «Вектра», почти такая же, что была у Романа. Лена посмотрела на машину и поняла, что такой автомобиль ей точно не по карману.

– Аккумулятор я подзарядил, – начал рассказывать мужчина, – а если будете брать, то и масло поменяю.

– Сколько вы просите? – поинтересовалась мама.

– Десять тысяч, – ответила женщина.

– Всего-то?

– Долларов, – уточнил мужчина.

– Сколько это в рублях? – бодро продолжала расспрашивать мама.

– А если без гаража? – добавила свой вопрос Лена.

Мужчина посмотрел на спутницу, и та кивнула, не раздумывая.

– Половину.

Мама подсчитала, посмотрела на Лену, потом на «Вектру», взглянула на пролетающие по небу облачка, после чего произнесла твердо:

– За четыре с половиной тысячи долларов мы возьмем автомобиль прямо сегодня. А вот завтра уже вряд ли...

Лена стояла пораженная: даже не тем, что у мамы нашлись такие деньги, а тем, как она торговалась. На мгновение, правда, ей показалось, что хозяйка сейчас откажется, скажет, что цена машины и так занижена. Но женщина, опять же почти не раздумывая, кивнула.

– Хорошо.

Вчетвером немного покатались на «Вектре». Лена сидела за рулем и управляла автомобилем достаточно легко, потому что все ей было знакомо и привычно. Заскочили в банк, потом домой за недостающими деньгами. Когда мама поднялась в квартиру, женщина вздохнула:

– Это вообще-то сына машина, но он сейчас сидит. На прошлой неделе позвонил, попросил срочно продать – ему деньги потребовались. Теперь каждый день интересуется – когда пришло.

– А за что попал на зону?

– По дурости, – объяснил мужчина. – Хотя, если разобраться, у нас только дураков и сажают, умных избирают в депутаты. Деньги ему нужны, чтобы свое досрочное освобождение оплатить...

Сделку оформили за пару часов и, не заезжая домой, отправились в Ершово. Когда миновали деревню, Лена увидела свой домик и показала на него маме. Теперь рядом с участком стоял электрический столб, к которому вела накатанная колея. Грунт был мягкий, колеса проваливались в него, но подъехать все-таки удалось. На сей раз дверь открылась легко.

– Я думала, будет хуже, – призналась мама, после того как внимательно оглядела все внутри.

Потом они подошли к реке и смотрели на лес, очнувшийся после зимней спячки. Между деревьями кое-где еще были прогалины серого снега, но почти все открытое солнцу пространство светилось белым от распустившихся подснежников. Когда возвращались к крыльцу, Лена увидела, как с дороги на колею, ведущую к домику, свернул черный «Гелендваген» с наглухо затонированными окнами. Свернул, остановился, а потом, лихо развернувшись, снова выскочил на дорогу и понесся в сторону, противоположную деревне Ершово.

Приезд новых домовладельцев не остался незамеченным для местных жителей. Когда уже направились в город, увидели на обочине мужчину в камуфляжной куртке, Лена не сбросила скорость, не горя желанием брать попутчика, но мужчина отчаянно замахал рукой, и потому пришлось остановиться.

– Вы наша новая соседка? – спросил незнакомец, заглянув через окно в салон. – Гляжу, электричество к дому подвели. Постоянно здесь жить собираетесь?

– Не знаю, – ответила Лена, – скорее всего, только летом.

– И напрасно. У нас очень хороший воздух, не то что в городе. До ста лет дожить можно. – Мужчина посмотрел на маму Лены и спросил: – Вам, к примеру, сколько лет?

– С прошлого года на пенсии.

– Значит, еще столько же осталось, если тут будете жить. А в городе года два всего протянете в лучшем случае, и то вряд ли...

– Это почему? – возмутилась мама.

Но мужчина не слушал ее.

– Мне почти пятьдесят. И меня, можно сказать, сюда на носилках принесли, прямо из госпиталя. Думал, скоро тут и зароят. А посмотрите теперь, сколько мне на вид можно дать?

– Семнадцать, – попыталась пошутить Лена.

– Ну, это-то нет... Хотя у каждого на сей счет может быть свое собственное мнение. Но чувствую я себя тридцатилетним. Микроклимат здесь особенный, как я уже докладывал. И местное общество опять же очень приличное.

Он показал рукой на коттеджи.

– По правой стороне от дороги первый дом и второй – в обоих живут генералы. Далее – член-корреспондент Академии общественных наук, слева первый дом – мы с женой, потом Альберт, он же Алик – хороший человек, но бабник, потом...

– А сколько всего человек в деревне? – спросила мама.

– В деревне-то? – переспросил местный житель. – А нисколько. Еще осенью оставалось с полдесятка старух, но их переселили подальше отсюда. Некоторые, правда, еще до переселения умерли одна за другой.

– До ста лет дожили? – осторожно поинтересовалась Лена.

– Согласен, – кивнул абориген, – не всем так фартит. Но дело не в этом. Главное, конечно, что дома деревенские снесут, а на их месте поставят шикарный поселок. Вы в курсе, сколько здесь сейчас земля стоит?

Лена кивнула.

– А два года назад, когда я свой участок купил, даже представить себе не мог, какое выгодное вложение капитала сделал. Вы, к примеру, за сколько свою хибару взяли?

– Квартиру в городе отдала, – призналась Лена. И добавила: – Трехкомнатную.

– Да ладно, – не поверил местный житель. Потом посмотрел на поле, на недалекий лес и покачал головой. – А все равно, здесь рай земной, так что в любом случае не прогадали.

Конечно, Лена не собиралась жить за городом постоянно, даже если бы дом был иным – не таким замухрышкой, а каким-нибудь вроде тех, в которых проживают новые соседи: генералы, академик, бабник Алик и этот словоохотливый Володя, нахваливавший здешние места и климат. И в случае, если бы в ее доме имелись все удобства, центральное отопление и водопровод, Лена не смогла бы каждый день ездить отсюда на работу и возвращаться обратно. От

крыльца до офиса почти полтора часа в один конец, и терять столько времени, конечно, не было смысла. Так что ее приобретение – вариант летнего отдыха на выходные дни. Отпуск лучше проводить у моря, а остаток его – на берегу этой речушки. Можно ходить за грибами и ягодами, варить варенье и компоты.

Лена думала так и боялась своих мыслей, потому что в этом будущем она была одна. Пусть в окружении банок с вареньями и маринованными грибами, но в тусклом одиночестве. Вот что было страшно. К тому же ее должность офис-менеджера не прибавляла оптимизма: совсем не то, о чем она мечтала.

В конце концов, Лена решила найти себе другое место работы. Лето, конечно, не время для трудоустройства, а вот с приближением осени стоит заняться поисками. Рассчитывать на карьерный рост внутри предприятия, где трудилась сейчас, она не могла, так как фирма занималась разработкой компьютерных программ, и надо было быть специалистом в данной области, чтобы на что-то рассчитывать. К тому же персонал фирмы постепенно сокращался – люди уходили, что было лишним подтверждением собственных намерений: раз народ бежит, и ей задерживаться не стоит. Кстати, и заказов становилось все меньше и меньше. Если это и волновало генерального директора, то не особенно. Генеральный являлся единоличным владельцем фирмы, а у него, по слухам, были и другие предприятия.

Рабочий день заканчивался. Офис был почти пуст – теплые дни конца мая не вызывали у сотрудников желания ударно трудиться. Лена сидела за секретарской стойкой и читала книгу. Так увлеклась, что, когда услышала над собой голос, вздрогнула.

– Что читаешь? – спросил генеральный директор.

Лена показала обложку и перевела название:

– «Одиночество бегуна на длинные дистанции».

– О-о, – удивился генеральный, – по-английски, стало быть, понимаешь. Что ж тогда здесь торчишь?

– Так рабочий день только через час закончится, – напомнила начальнику Лена.

– Я вообще говорю. Ведь могла бы получше контору найти.

Лена пожала плечами.

Генеральный направился к своему кабинету, остановился в дверях, прислушался к тишине и сообщил как бы между прочим:

– Сегодня еще четверо заявления об уходе притащили.

Лена кивнула: она знала об этом.

Начальник распахнул дверь своего кабинета, посмотрел на нее и махнул рукой.

– Заходи, по рюмашке коньячка накатим.

– Я не пью, – призналась Лена. – К тому же я за рулем сегодня.

– Все равно заходи, просто так поговорим.

Бутылка уже стояла на столе начальника – как видно, мужчина уже прикладывался к ней в течение дня. Но сейчас, опустившись в кресло, он отодвинул коньяк в сторону и поинтересовался:

– Про что хоть книга?

– Подросток ограбил пекарню. Его отправили в закрытую школу для малолетних преступников, – стала рассказывать Лена, – а директор этого заведения считает: спорт – единственное, что может помочь оступившемуся человеку встать на праведный путь. Еще он понимает, что у парня талант стайера, и чтобы заставить подростка тренироваться, обещает ему досрочное освобождение, если тот победит на соревнованиях по бегу...

– И про это книга? – не поверил генеральный.

– Не нравится сюжет? – удивилась Лена.

Мужчина хмыкнул.

– Как раз очень жизненный: словно с меня писанный. Я ведь тоже по малолетке в специнтернат загремел. И у нас был такой же директор. Только он команду боксеров создал и сам же ее тренировал. Тоже обещал досрочное, если кто-то зональные соревнования выиграет. На тренировках вставал с кем-нибудь в пару и работал по полной. Всем нам здорово доставалось. Но научил кое-чему. Короче, я и правда досрочно вышел. Были у нас два брата-близнеца. Вес у них был вообще-то одинаковый, но они по разным категориям выступали, потому что талант у них был настоящий. Тебе неинтересно?

– Наоборот, очень даже. Я просто не предполагала, что у вас...

Лена замолчала, подыскивая слово.

– Такое прошлое? – подсказал генеральный. – Так это, можно сказать, детство золотое. Бокс я не бросил. Правда, далеко не пошел, а оба брата Чагины потом мастерами спорта стали. Но позже и они, как водится, то да се... короче, тоже в бизнес ушли. Раскрутились хорошо.

– И что с ними теперь?

– Ленка – человек известный, а Бориса, я слышал, года три-четыре назад волк загрыз.

– Ужас какой, – поразилась Лена. – Это на охоте случилось?

– Не в постели же.

Директор подвинул к себе бутылку и посмотрел на Лену.

– Может, примешь пятьдесят граммов, чтобы поддержать компанию?

Лена покачала головой.

– Как знаешь, – вздохнул директор.

Взял стакан и, не опуская его на стол, начал наполнять, продолжая говорить:

– Может, и ты уйти хочешь, а?

– Не думала еще, – соврала Лена.

Генеральный вернул на стол бутылку и сделал небольшой глоток из наполненного почти доверху стакана. После чего посмотрел на Лену.

– Если ты уйдешь, я точно фирму закрою. Так все знакомые спрашивали у меня, что за девушка, дескать, у тебя работает, а тогда и спросить им будет нечего. Да и не заскочит никто лишний раз.

– Возьмете другого сотрудника.

Начальник мотнул головой и снова уставился на нее.

– Значит, все-таки уходишь. Ну да ладно, что ж с тобой делать, отпущу. И даже два месяца вперед оплачу. Может, еще и премию выпишу.

– За что премию? – не поняла Лена.

– А за то, что не кланчила прибавки, не ныла, как другие, про инвалидов папу с мамой, про больного ребенка, который без присмотра. За то, что не пыталась ко мне в койку залезть...

– Я вроде как замужем была, – напомнила Лена.

– Была? – поймал ее на слове начальник. – А теперь, стало быть, нет?

– Официально еще не развелись, но...

– Хочешь, я твоему муженьку по башке настучу?

– Не надо, ему уже настучали. В том смысле, что жизнь настучала.

– Значит, плохо настучала. Если б хорошо, он к тебе сразу прибежал бы прощения просить. И за свои, и за чужие грехи, – хмыкнул генеральный. – От таких, как ты, не уходят.

Директор посмотрел на бутылку и прищурился:

– Пиши заявление, а завтра с утра иди в бухгалтерию за расчетом. Только сегодня уж напоследок составь приказ о назначении ликвидационной комиссии в составе меня, главбуха и кого-нибудь еще на твой выбор из тех, кто пока не сбежал.

Утром она пришла на работу как обычно. Почти до обеда работала, но потом появился генеральный, подошел к стойке, перегнулся через нее, словно хотел увидеть, что Лена читает на сей раз, и, не увидев книги, спросил:

– Деньги получила? Чего сидишь тогда? Лети в бухгалтерию, а то я передумать могу.

Главный бухгалтер – женщина с застывшим на лице выражением сурового величия – молча протянула Лене конверт, пододвинула заполненный бланк платежной ведомости и только тогда спросила:

– Что-то уже подыскала себе?

– Нет. Я просто не ожидала, что мне вот так предложат уйти.

Лена достала из конверта пачку купюр и удивилась – это были пятидесятые.

– Там двести пятьдесят тысяч, – равнодушно произнесла главбух. – Пересчитай, если не веришь.

– Вы не ошиблись? Уж больно много.

– Вопросы не ко мне, – ответила главбух, – сколько начальник приказал, столько я и выплатила. У тебя, кстати, самое большое выходное пособие из тех, кто успел вовремя уйти. Боюсь, меня просто коленом под зад пнут.

– С вами не посмеют так поступить, – постаралась успокоить ее Лена, – вы все-таки главный бухгалтер.

Но суровая женщина скривилась.

– Когда тебе сорок пять лет, уже все равно – главный ты бухгалтер или коврик при входе, вытрут о тебя ноги и забудут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.